

ЧАСТЬ II ИСТОРИЯ И МИФ

Б.С. Ляпустин

МАРК ПОРЦИЙ КАТОН СТАРШИЙ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: В статье рассмотрена проблема формирования мифа о Марке Порции Катоне Старшем как об олицетворении добропорядочного римского гражданина. Хотя он порой прибегал к способам обогащения, которые осуждались в обществе, тем не менее целый ряд аспектов весьма значимых в системе ценностей древнеримского общества, которые демонстрировал Катон, заставляли от граждан негативные черты в его поведении. Современные исследователи, отмечая противоречивый характер личности знаменитого римлянина, весьма негативно оценивают его неразборчивость в средствах получения звонкой монеты. В статье анализируется жизнь и деятельность Катона и определяются истоки мифологизации его личности.

Ключевые слова: Катон, миф, *mos maiorum*, закон Оппия, бережливость.

Об авторе: Ляпустин Борис Сергеевич, кандидат исторических наук. E-mail: bsl51@mail.ru

Одной из ярких фигур в римской истории выступает Марк Порций Катон Старший (234 – 149 гг. до н.э.), который уже в античной традиции представлен как олицетворение староримской морали (Plut. Cat. Mai. 20), ревностно отстаивавший незыблемость *mos maiorum* в жизни гражданской общины. Хотя в то же время этот добропорядочный муж (*vir bonus*) в экономической сфере был предприимчивым дельцом, извлекавший доходы всеми доступными (порой весьма сомнительными) способами, которые Плутарх, называет постыдными (Cat. Mai. 21).

1. Современные исследователи, отмечая противоречивый характер личности знаменитого римлянина,

весьма негативно оценивают его неразборчивость в средствах получения звонкой монеты. По мнению В.И. Кузищина ревнитель старины на самом деле был «ловким прожженным дельцом-предпринимателем, заботящимся прежде всего о прибыли» [1:61. ср. Marcone A. Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale. Roma, 1997. P. 20–21]. М.Е. Сергеев, останавливаясь на этом противоречии в словах и делах Катона, характеризовала его как двуличного человека, который в речах призывал сограждан жить по нормам традиционной морали в духе предков, а в реальной жизни не гнушался ничем в получении богатств [4:157-158].

Однако неприглядные факты реального поведения Катона (в отличие от негативной оценки историков нашего времени) не помешали древним римлянам, как современным, так и их потомкам создать о Катоне миф как о гражданине, живущем по традиционным нормам предков, и борца за староримские нравы. Он остался в их памяти как образец истинного квирита, которому еще при жизни воздвигли статую с благодарственной надписью от лица римского народа (Plut. Cat. Mai. 19). Возникает вопрос, каков же был механизм формирования мифологизированного образа Катона? И почему этот образ Катона, весьма знаковый для древних римлян, затмил в их сознании постыдную практику добывания денег.

Несомненно, что это различие было обусловлено тем, что древние римляне и наши современники смотрели на знаменитого римлянина и оценивали его по-разному, сквозь призму инаковых систем ценностей. Можно выделить несколько важных факторов, оказавших существенное влияние на формирование идеализированного образа Катона Старшего.

Главное, что возвысило Катона в глазах рядовых граждан, было то, что он, как и большинство римлян, считал семью самой высокой святыней (Plut. Cat. Mai.

20), и прилагал немалые усилия по защите ее нравственных устоев. Он полагал, что слава хорошего мужа выше всего остального, и считал прекрасной лишь ту женщину, которая целомудренна также, как и матроны старого времени. И в эпоху ломки патриархальных порядков, его взгляды и решительные действия на высших государственных должностях по сохранению незыблемости традиционных семейных устоев нашли отклик и одобрение у большинства домовладык.

Наиболее полно это проявилось, когда, будучи консулом он после окончания II Пунической войны отстаивал сохранение Оппиева закона, принятого после жестоких поражений римских армий от Ганнибала в 217 и 216 гг. до н.э. Для ведения боевых действий не хватало средств, и в 215 г. до н.э. плебейский трибун Гай Оппий провел плебисцит, запретивший «римским женщинам иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях» (Liv. 34. 1. 3; пер. Г.С. Кнабе). Этот закон был призван укрепить военно-экономическое положение древнего Рима. Ведь многие функции, которые впоследствии стали сферой деятельности государства, в этот период выполняла фамилия [6:80-90]. Поэтому в затяжной и кровопролитной войне, когда опустела казна, Рим мог выйти победителем, только располагая экономически крепкими фамилиями. Исключение трат на бесполезные женские украшения позволяло домовладыкам тратить максимум средств на военные нужды, чтобы успешно вести боевые действия.

Но после победы над Ганнибалом причины, вызвавшие к жизни ограничения на роскошь, как считали прежде всего римские женщины, исчезли. Отражая такие настроения, плебейские трибуны Марк Фуданий и

Луций Валерий в 195 г. до н.э. предложили отменить закон Оппия. Это вызвало раскол среди квиритов и бурные споры: одни поддерживали идею отмены, другие, которых возглавил Марк Порций Катон, в то время консул, ревностно отстаивали необходимость сохранения закона (Liv. 34. 1. 1–7). В защиту своей позиции Катон выступил перед гражданами с яркой речью, которую привел в своем историческом сочинении Тит Ливий (Liv. 34. 2. 1–4. 19). Хотя относительно подлинности этой речи мнения исследователей разделились [3:54–55], тем не менее, все признают, что мысли и оценки, изложенные в ней, полностью соответствуют образу жизни и деятельности Марка Порция Катона Старшего [8:81–85].

В своей речи консул упрекает сограждан, что они разрушают традиционные нормы, на которых издавна зиждилось благополучие римской фамилии. Своеволие женщин, по мнению Катона, опасно тем, что матроны тут же забудут благочестивый семейный долг и бросятся в траты, которым не будет предела. Расточительность же – это один из пороков, который подтачивает государство. Обращаясь к согражданам, он призывал их следовать нормам предков и строить жизнь на основе воздержанности и бережливости. А сторонников отмены закона Катон укорял: «самый отвратительный стыд, когда стыдятся бережливости и бедности» (Liv. 34. 4. 13). Самое ужасное, по мнению Катона, то, что женщины, не располагая большими богатствами, станут требовать денег у мужей (ibid. 34. 4. 16). И горе этим мужьям, заключает Катон. Ведь на такие траты уйдут средства, которые могли быть с пользой вложены в рачительное ведение домашнего хозяйства: поддавшись на уговоры женщин отменить закон, квириты поступят против себя, своего достояния и своих детей (Liv. 34. 4. 18). И в этом с ним были согласны многие главы семейств.

Занятая Катонем бескомпромиссная позиция в отношении попытки отменить закон Оппия не была лишь сиюминутной позой или политической демагогией. Речь консула отражала те принципы, которыми он руководствовался на протяжении всей своей жизни. Запрещение трат на женские украшения должно было пресечь не только непроизводительные расходы на роскошь, но и утечку денег из фамилии на подарки гетерам, которые порой щеголяли в нарядах более роскошных, чем у римских матрон (Plaut. *Most.* 142–145, 286–291; Poen. 304; Curs. 345–348). А такие траты уже можно было рассматривать как нечто ненормальное. Римляне не делали принципиального различия между душевнобольным и мотом, назначая им попечителей (*curatores*), когда речь заходила об управлении имуществом (Dig. 27. 10. 1 pr.; cf. Cic. *De sen.* 22).

Однако несмотря на все усилия Катона и его сторонников закон Оппия был отменен. Но то, что не удалось суровому ревнителю традиционных обычаев предков в 195 г. до н. э., он успешно осуществил через 10 лет в период своего цензорства в 184 г. до н.э.[7:181-185]. Катон-цензор ввел такие высокие налоги на предметы роскоши, «чтобы римляне, тяготясь уплатой налога и видя, как люди скромные и неприхотливые платят с такого же имущества меньшие налоги, сами расстались с роскошью» (пер. С.П. Маркиша) (Plut. *Cato Mai.* 18; ср.: *Liv.* 39. 44. 1–3). Из этого отрывка видно, как строгий цензор стремился вынудить глав фамилий все наличные средства вкладывать в обустройство семейного хозяйства, а не тратить их на престижную роскошь. И его мероприятия действительно вынудили многих римлян отказаться от подражания богатой знати, погони за роскошью, вкладывать силы и средства в расширение и обустройство своих хозяйств и прежде всего земельных участков, которые служили традиционным символом престижа и высокого статуса. За такое

строгое следование нравам предков и отстаивание традиционных ценностей Катон получил почетное прозвище Цензория [5:98].

Катон всю жизнь вел бескомпромиссную войну с роскошью, которая по его представлениям была главным источником общественных и частных пороков (Plut. Cat. Mai. 18). С юности примером ему в этом служил Маний Курий, который в памяти римлян олицетворял простоту и воздержанность в духе *mos maiorum*. Победитель Пирра и трижды триумфатор жил в скромном жилище, сам обрабатывал небольшой участок и ел непритязательную крестьянскую пищу. Катон стремился во всем быть похожим на прославленного квирита и с первых же лет активной политической деятельности, подражая ему, стал в жизни следовать простоте и умеренности, отвергая расточительность (Plut. Cat. Mai. 2).

Причем, важную роль в сохранении и преумножении славы Катона как защитника староримских ценностей было то, что он был прекрасным оратором. По сообщению Плутарха, его речи были настолько проникновенными, что на глазах слушателей нередко наворачивались слезы (Cat. Mai. 7). Катон первым в римской истории позаботился об издании своих речей, которые получили большую популярность среди римлян. Через 100 лет после его смерти Цицерон собрал около 150 изданных речей Катона [5:102]. В речах, произнесенных перед квиритами, он никогда не забывал ярко представить свои добродетели. Так, в речи «О моих расходах» (164 г. до н.э.) Катон с гордостью заявлял, что в военных походах и поездках по государственным делам он всегда избегал излишних трат и не позволял другим, даже друзьям и сопровождавшим его лицам, обогащаться за счет государства (Cat. Orat. Fr. 173). Далее он утверждал, что у него нет дорогих построек или ваз, он не носит роскошных одежды, никогда не покупал дорогих рабов или ра-

бынь (Cat. Orat. Fr. 174). Плутарх, который жил почти на сто пятьдесят лет позже, со знанием дела сообщал, что Катон никогда не носил платья дороже 100 денариев, а припасов для обеда покупалось только на 30 ассов. И во время исполнения даже высших магистратур в государстве он пил то же вино, что и простые работники (Plut. Cat. Mai. 4). А когда плыл на корабле в Испанию, откуда возвратился с триумфом, то пил то же вино, что и гребцы (Plin. NH. 14. 91). Не единожды провозглашенные в речах знаменитого политика принципы жизни и деятельности, основанные на традиционных ценностях предков – бережливости и умеренности, были хорошо известны и близки согражданам. Воздержанный образ жизни и яростное обличение всех, кто нарушал заповеди предков, были яркой демонстрацией перед квиритами строгого следования традиционным нормам римской гражданской общины.

Эти же идеи он заложил и в основу трактата «Земледелие», где призывал римлян быть «хорошим земледельцем и хорошим хозяином» (Cat. De agr. Praef. 2–3), поскольку земельная собственность в античном Риме была символом гражданского статуса и престижа. В сочинении Катон убеждал, что идеальное поместье позволяет вести рачительный и бережливый образ жизни в духе заветов предков и даже получать доход, который будет самым чистым и верным (Cat. De agr. Praef. 3). Таким образом, идея бережливости ради развития семейного хозяйства не только отразилась в речах и делах Катона, но и в его научных сочинениях, обращенных к согражданам. Все это вместе взятое позволяет прояснить, что главное для Катона – это создание экономически крепких семей на основе традиционных ценностей предков. Такие взгляды были созвучны большинству римских граждан.

Создание и поддержка крепких и богатых фамилий не были для Катона самоцелью, к которой он стремился сам и побуждал к этому других. В этом он видел залог обогащения и укрепления самого Рима. В экономических воззрениях Катона особое место занимали взаимоотношения отдельной фамилии с гражданской общиной. Во всех своих усилиях по укреплению римской *civitas* он исходил из безусловного приоритета общинных интересов перед частными. Катон организовал разработку железных и серебряных рудников Испании, защищал интересы казны и решительно пресекал все действия, ставящие под угрозу ее стабильное и бесперебойное наполнение. Именно в этом плане необходимо рассматривать гонения на ростовщиков с их неумными аппетитами во время его преторства на Сардинии. (Liv. 32. 27. 3–4). В том же русле шли его действия во время цензуры: он добился разрушения незаконных строений на *lota publica*; сократил плату за подряды на ремонт зданий и до предела поднял цену на откуп государственных налогов. За счет сэкономленных на этом средств, Катон построил для граждан первую в Риме базилику, названную его именем (Liv. 39. 44. 4–5; 7–8). Самым ярким примером взглядов Катона на место фамилии в общине стало перекрытие желобов, по которым вода из общественного водопровода текла в частные дома и сады (Liv. 39. 44. 1; Plut. Cat. Mai. 19). Сам принцип функционирования водопроводов и фонтанов, как показал Г.С. Кнабе, подчинялся архаической общинной традиции, и считалось, что в принципе вообще вся вода в городе целиком принадлежала общине, а личное и бесконтрольное пользование ею было большой привилегией, которая давалась только людям, олицетворявшим собой общину. Да и то такие действия зачастую рассматривались как покушение на единство и целостность гражданского коллектива [1:79-81].

Таким образом, Катон и его последователи выступали за поддержание и сохранение вполне определенных и конкретных экономических форм существования фамилии в неразрывном единстве со всей общиной. Он поддерживал и постоянно реанимировал архаические представления, идущие еще от эпохи римской *civitas* времен предков, но с поправкой на превращение фамилии в самостоятельный организм, добывающий доходов за счет исключения нерациональных трат.

Действия по совершенствованию хозяйства фамилии как в городе, так и в деревне были для домовладыки необходимой и важнейшей задачей. Они служили прежде всего целям поддержания высокого социального статуса, авторитета и влияния глав знатных фамилий в обществе и государстве [10:361]. Так как в повседневной жизни римской элиты публичные и частные роли и обязанности частично совпадали и причудливо переплетались, то для нобилия его городской дом, так же, как и обширные земельные владения «являлись не менее важной ступенью для утверждения его статуса и влияния», чем его политическая карьера [9:114].

Однако исторические реалии вносили свои коррективы в идеальные представления о хозяйственной деятельности главы фамилии. Потребность в деньгах и забота о том, как решить эту проблему за счет поместного хозяйства, постоянно стояла перед домовладыкой. Катон стремился примирить свои жизненные принципы с постоянно возрастающими тратами с помощью рациональной и интенсивной организации труда на вилле, постоянного личного контроля над деятельностью администрации и работников и строгого учета результатов труда. Ни по составу работников в хозяйстве, ни по наличию квалифицированных управляющих фамилия не была в состоянии исключительно своими силами обеспечивать экономическую деятельность в полном объеме.

Необходимость нанимать дополнительных работников вырывала фамилию из замкнутых рамок хозяйствования в духе староримских ценностей и активно втягивала в мир денег, которых постоянно не хватало, и домовладыке приходилось изыскивать их всеми доступными способами. Ведь от того, каков его дом и поместья, во многом зависел его престиж в обществе. Однако отношение к путям и формам извлечения прибыли у Катона были неоднозначным.

Развитие поместного хозяйства требовало значительных финансовых затрат, а доходы земледелие приносило небольшие. И одной бережливостью, сведением расходов к самому необходимому минимуму проблему решить было невозможно. Ситуация, когда ведение фамильного хозяйства и поддержание высокого социального статуса требовали все больше и больше денег, лишь усугублялась распространившимся после Ганнибаловой войны стремлением к роскоши и богатству. Одной из фигур, наиболее полно олицетворявшей эту тенденцию, традиционно считается постоянный оппонент и политический противник Катона, соперник в военной доблести и носитель принципиально иного образа жизни – Сципион Африканский, привнесший в римскую повседневность «царские обычаи» по отношению к рядовым римлянам (Liv. 29. 19. 3; Plut. Cat. Mai. 3. 4–7) [5:110-111].

Катон тоже не остался в стороне от процесса поиска денег. По словам Плутарха, в результате длительного хозяйствования в поместье он пришел к выводу, что земледелие, несмотря на все усилия, не может быть источником высокого дохода (Cat. Mai. 21). Поэтому он расчетливо стал помещать деньги в доходные предприятия, активно используя в экономической деятельности своих рабов. Он приобретал водоемы, горячие источники и участки, удобные для устройства фуллоник, продукция которых была широко

востребована в античном Риме: ремесленники-фуллоны занимались валянием сукна и войлока и стиркой одежды. Зная, что заморская торговля приносит огромную прибыль, он охотно ссужал деньги под большие проценты торговцам, занимавшимся этим прибыльным, но весьма рискованным делом. С этой целью он не раз организовывал торговые сообщества через своего вольноотпущенника Квинктиона, связанного с патроном обязательствами исполнять *operae libertorum*. Когда набиралось пятьдесят дольщиков с пятьюдесятью судами, Катон, оговорив для себя одну пятидесятую долю прибыли (помимо процентов за ссуду), отправлял торговую флотилию под присмотром Квинктиона за заморскими барышами и всегда получал огромные прибыли. Такая форма обогащения вызывала осуждение, и Плутарх ее назвал самой постыдной (*Cat. Mai.* 21. 6).

Однако в своей деятельности Катон не переступал римских законов, запрещавших нобилям заниматься ростовщичеством. Он действовал через преданных вольноотпущенников или ссужал деньги только рабам своей фамилии, которые приобретали мальчиков, а затем через год, после основательного обучения с выгодой их продавали. Деньги Катон либо отдавал в рост внутри фамилии, либо такую сделку совершал вольноотпущенник, имевший статус свободного римского гражданина. Продолжая заниматься сельским хозяйством, он предпочитал приобретать плодородные земли с пастбищами и лесами и с выгодой сдавать их в аренду, как это он советовал в своем трактате (*De agr.* 149). И здесь Катон нашел способ получения максимальной прибыли: он практиковал передачу съемщику на временный выпас пары хозяйских волов и мерина в придачу, получая арендную плату и не тратясь на собственного пастуха.

Особенно широкий масштаб с этого времени приобрело обогащение за счет военной добычи [7, 8, 11]. В принципе и Катон не осуждал тех, кто использовал вой-

ну как средство наживы, рассматривая получение на войне добычи как компенсацию за пролитую кровь и перенесенные опасности (Plut. Cat. Mai. 10. 5). В речи в защиту Л. Цезетия он прямо говорит, что если воин останется цел на войне, но не раздобудет денег, то упадет в нищету (Cat. Orat. Fr. 208). Однако свои руки и руки близких к нему людей он сохранил чистыми от грабежа, но своим воинам он позволял возвращаться из похода с богатой добычей.

Главными инициаторами войн, суливших обогащение, становятся нобили. Как сообщает Ливий, предложенный в 200 г. до н.э. закон о войне с Македонией первоначально был отклонен почти всеми центуриями. А плебейский трибун, выражая мнение большинства, прямо обвинил сенаторов в том, что они, не считаясь с мнением народа, затевают одну войну за другой (Liv. 31. 6. 4). По существу войны стали вестись верхушкой римского общества не ради процветания общины и безопасности государства, а ради славы и богатой добычи полководца, которые получали за счет крови общинников. Но Катон никогда так не поступал. Хотя обогащение вне сферы сельского хозяйства, в первую очередь, за счет военной добычи, становится нормой деятельности и поиска необходимых средств в Древнем Риме.

Суровый Цензор никогда ничего не делал, что могло бы ущемить рядовых сограждан. Это слияние с гражданским коллективом, как на основе ценностных ориентиров, так и в практической деятельности по извлечению денег, когда ни одного асса не было получено за счет простых римлян, было наиболее важным в ментальности римлян. Ведь для античного человека, как это подчеркнул Цицерон, на первом месте стояли интересы гражданской общины, на втором фамилии и только на последнем месте личные интересы. Именно Катон в

словах и делах представал перед согражданами истинным носителем этих ценностей.

Все эти, перечисленные факторы и привели к тому, что в среде римских граждан сложился миф о Катоне как о добропорядочном гражданине, который всю жизнь следовал строгим нравам предков и не совершил ничего предосудительного.

Литература

1. Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986.
2. Кузищин В.И. О датировке катоновского «Земледелия» // ВДИ, 1966, № 2;
3. Ляпустин Б.С. Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н.Новгород, 1991.
4. Сергеев М.Е. Из заметок о Катоне// ВДИ 1976, № 3. С. 157-158.
5. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» римской республики. М., 1986.
6. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989, № 2, С. 80-90.
7. Austin A.E. Roman government and politics, 200–134 B.C. // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean to 133 B.C. / A.E. Austin, F.W. Walbank, M.V. Frederiksen, and R.M. Ogilvie (eds.). Cambr., 1989.
8. Hellmann F. Zur Cato- und Valerius-Rede // Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 1940, № 3, 81–86.
9. Hölkeskamp K.-J. Under Roman Roofs: Family, House and Household // The Cambridge Companion to the Roman Republic / Harriet I. Flower (ed.) Cambr.-N.Y., 2004.
10. Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). T. 1. Définitions juridiques et structures sociales. P., 1974.
11. Piganiol A. La conquête romaine. P., 1967.